

Остроумов Николай Петрович

**Китайские эмигранты в
Семиреченской области
Туркестанского края и
распространение среди них
православного христианства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Петрович О.**
Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства / Остроумов Николай Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 116 с.

ISBN 978-5-521-26824-5

ISBN 978-5-521-26824-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ Семирѣчьѣ, какъ единственный пока матеріалъ для уясненія себѣ недавно совершившагося обращенія разноплеменныхъ китайскихъ эмигрантовъ къ православної русской церкви.—Въ тоже время и православный русскій миссіонеръ встрѣтитъ въ предлагаемомъ очеркѣ немало интересныхъ для себя вопросовъ, обсужденіе которыхъ можетъ навести его на новыя мысли и уяснить ему одну изъ главныхъ задачъ его—находить наилучшія средства для успѣшнѣйшаго воздѣйствія на новокрещенныхъ, въ интересахъ православной церкви и православнаго русскаго отечества. Руководясь такими мыслями при составленіи своего очерка, мы очень сожалѣли, что не могли посвятить этой работѣ больше времени, и потому просимъ у читателей благосклоннаго снисхожденія къ ея недостаточной внѣшней отделкѣ и неполнотѣ содержанія: мы сдѣлали—что могли, при искреннемъ желаніи познакомить ревнителей отечественнаго церковнаго дѣла съ успѣхами православно-русской миссіонерской дѣятельности на отдаленной границѣ нашего отечества съ Китаемъ.—Въ своемъ очеркѣ мы очень мало касались исторической стороны описываемаго нами факта, боясь, при недостаткѣ матеріаловъ, представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ и надѣясь, что со временемъ мѣстные архивы сдѣлаются болѣе доступными для людей, интересующихся исторіей Семирѣчья, и найдутъ преданныхъ отечественнымъ интересамъ тружениковъ, которые воспроизведутъ подробную и точную исторію поселенія китайскихъ эмигрантовъ въ нашемъ Семирѣчьѣ и

вѣдворенія среди нихъ русской гражданственности, основаніемъ которой для значительной части ихъ послужила православно-христіанская вѣра, которую эмигранты узнали и приняли, обязанные этимъ усердію нашихъ оо. миссіонеровъ.

14 января 1879 года.

Г Ташкентъ.

КИТАЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ВЪ СЕМИРЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СРЕДИ НИХЪ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНСТВА.

І. Политическія событія въ При-Илійской провинціи Китая, вызвавшія эмиграцію китайскихъ подданныхъ въ Семирѣченскую область Туркестанскаго края.

Поставивъ себѣ задачею представить исторію распространенія православнаго христіанства среди китайскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Семирѣченской области Туркестанскаго края, мы имѣли въ виду монгольскія племена: Даурь-солоновъ, Сибо-солоновъ и Калмыковъ, бывшихъ военными поселенцами При-Илійской провинціи Китая, о внѣшней и внутренней жизни которыхъ до времени эмиграціи мы и намѣрены высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній въ видѣ предисловія къ своему очерку.

При-Илійская провинція Китая образовалась на мѣстѣ бывшей Джунгаріи, покоренной и уничтоженной Китайцами во второй половинѣ 18-го столѣтія (¹).

(¹) Джунгарія (монг. *Сун-гарь*, по-китайски *Т'янъ-шан-пе-лу*, т. е. лѣвая сторона) была прежде самостоятельнымъ царствомъ Сунгаровъ, составлявшихъ лѣвое крыло монгольскаго войска. и съ 1739 года была покорена Китайцами и заселена военными колонистами Манджурами, Чахарь-калмыками, Торгоутами и особенно ссыльными изъ Китая.

Главнымъ правительственнымъ центромъ этой новопокоренной страны считался основанный въ 1764 году ⁽¹⁾ на рѣкѣ Или городъ Хай-Юань-Чень, извѣстный болѣе подъ именемъ Новой Кульджи въ отличіе отъ старой, мусульманской Кульджи, существовавшей гораздо ранѣе новой Кульджи.

Всѣ названные сейчасъ поселенцы монгольскаго племени: Дауръ-солоны, Сибо-солоны и Калмыки были выселены Китайцами на берега р. Или, какъ правительственный элементъ, съ цѣлю поддержанія въ новопокоренной странѣ спокойствія и порядка, такъ какъ на мѣсто истребленныхъ Китайцами Джунгаровъ были поселены Китайцами, на удобныхъ для хлѣбопашества мѣстностяхъ, 7000 сартскихъ семействъ изъ Турфана и другихъ городовъ восточнаго Туркестана и Дунгане изъ провинціи Гань-су. Но расчеты китайскаго правительства не сбылись: военные поселенцы монгольскаго племени не были настолько многочисленны, чтобы могли на случай возстанія турфанскихъ переселенцевъ подавить бунтъ въ самомъ началѣ и не дать ему принять большіе размѣры, а переселенцы турфанскіе и Дунгане, какъ мусульмане по вѣрѣ, не могли быть покорными и надежными подданными Китайцевъ. Кромѣ того Китайцы допустили съ своей стороны ошибку и въ томъ, что для скорѣйшаго заселенія При-Илійской долины ссылали туда каторжниковъ, извѣстныхъ подъ нарицательнымъ именемъ „чжипановъ“, которые также отбывали воинскую повинность, составляя особую милицію, отличавшуюся храбростію. Вслѣдствіе такихъ ошибокъ китайскаго правительства, со стороны его новыхъ подданныхъ начались возстанія. Въ 1865 году возстали турфан-

Вся эта страна, изобилующая озерами и котловинами и замкнутая горами, находится между 49 и 42° сѣвер. шир. и идетъ на юго-западъ вдоль 98° вост. долг. (См. Всеобщее землеописаніе Разина и пр. Сиб. 1864 г. Т. III, стр. 351).

(1) По Разину и пр. въ 1760 году.

скіе переселенцы, но были усмирены и въ наказаніе за возстаніе были записаны въ казенные землепашцы подъ общимъ именемъ *таранчей* ⁽¹⁾. Этою мѣрою китайское правительство не обезпечило однакожъ себѣ спокойствія въ бывшей Джунгаріи и не могло подавить послѣдовавшаго въ 60 годахъ текущаго столѣтія мятежа Дунгань, такъ какъ собственно китайскій элементъ въ При-Илійской провинціи всегда былъ гораздо малочисленнѣе мусульманскаго. Гарнизоны такихъ городовъ, каковы Кульджа, Чугучакъ и Баяндай имѣли всего отъ одной до трехъ тысячъ чело-вѣкъ. Между тѣмъ Дунгане были распространены по всей китайской имперіи, группируясь болѣе въ провинціяхъ Гань-су, Шань-си, Сы-чуань, Юнь-нань и по сѣвернымъ отрогамъ Тянь-шаня. Это были люди съ китайскимъ типомъ лица, говорящіе китайскимъ языкомъ и носившіе китайскую одежду, а по вѣрѣ—чрезвычайно строгіе и набожные мусульмане суннитскаго толка. Въ мечетяхъ они читали текстъ молитвъ на арабскомъ языкѣ, а объясненія арабскаго текста дѣлали на китайскомъ языкѣ. Они подстригали себѣ усы помусульмански, не пили вина и водки, не курили опиума и табаку. Въ Средней Азіи они были извѣстны своею честностію, особенно въ торговыхъ

(1) *Таранчи* (تارانچی) отъ глаг. корня *тара* (تار) обрабатывать землю, — означаетъ *земледѣльца*. По словамъ Гейпса, таранчи были полурабы, выселенные Манджурами изъ Алты-Шара въ опустошенную Джунгарію послѣ покоренія обѣихъ этихъ странъ, т. е. около 1759 года. Тогда выселено было въ Джунгарію около 8,000 семействъ, которыя имѣли право запахивать столько земли, сколько могли обработать; за то они были обложены непомѣрно большими податями. Семейство, состоящее изъ четырехъ чело-вѣкъ и менѣе, обязано было платить ежегодно 32 мѣшка проса (въ мѣшкѣ около 5 пудовъ) подати; семейство, состоящее изъ 4—8 членовъ, платило 64 мѣшка проса; 8—16 членовъ платили 120 мѣшковъ и т. д. Содержаніе каждаго китайскаго солдата стоитъ по цѣнѣ 32 мѣшка проса, т. е. 8000 семействъ таранчей содержали 8000-й корпусъ Манджуровъ, что составляло постоянную цифру войскъ, находившихся въ окрестностяхъ Кульджи, въ мирное время.

дѣлахъ, и китайское правительство вслѣдствіе этого охотно опредѣляло Дунганъ на полицейскія должности. Дунгане горячи, запальчивы и при ссорахъ хватаются за ножи, которые они носятъ при себѣ. По наружности они отличаются отъ Манджуръ и Китайцевъ крѣпкимъ физическимъ сложеніемъ и болѣе осмысленнымъ лицомъ. Особенно характеристическую черту Дунганъ составляетъ ихъ наклонность къ промышленнымъ предпріятіямъ. Сознаніе своей силы и нравственного превосходства давало Дунганамъ возможность находиться въ исключительномъ положеніи. Не смотря на политическую неустойчивость манджурскаго правительства, оно не вмѣшивалось въ дѣла сильной дунганской общины (Саларъ) въ провинціи Гань-су, гдѣ мусульмане жили сплошною массою. Этою общиною управлялъ имамъ, имѣвшій значеніе духовнаго главы Дунганъ; со стороны же манджурскаго правительства въ дунганской общинѣ находился всего одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ у Дунганъ провинціи Гань-су считалось около 4,000 мечетей. Хотя эта цифра слишкомъ и преувеличена, во всякомъ случаѣ она даетъ понятъ, что Дунганъ было много и что одного манджурскаго чиновника для надзора за ними было очень недостаточно.

Не смотря на многочисленность Дунганъ, Китайцы смотрѣли на нихъ, какъ на людей стоящихъ ниже прочихъ гражданъ-буддистовъ.—Поэтому Дунгане были обложены большимъ количествомъ податей, не только по сравненію съ господствующими въ Китаѣ народностями, но и съ другими покоренными племенами. Вѣроятно, желая ослабить рѣзкое различіе, существовавшее между Дунганами и остальными жителями городовъ имперіи, китайское правительство, когда могло, касалось обычаевъ и внутренняго порядка дунганской жизни. — Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ изданъ императорскій декретъ, въ силу котораго Дунганы должны были носить длинныя косы, а ихъ дочери имѣть урод-

ливия китайскія ножки. Точно также административнымъ путемъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ заставить Дунганъ отдавать своихъ дочерей замужъ за Китайцевъ-немусульманъ. Эти притѣсненія, особенно послѣднее насиліе, чрезвычайно оскорбившее Дунганъ, а также новые и большіе налоги, сборъ которыхъ сопровождался взяточничествомъ чиновниковъ, — и крутыя мѣры, предпринимавшіяся подозрительнымъ манджурскимъ правительствомъ противъ мусульманскихъ своихъ подданныхъ, ставили всѣхъ ихъ въ одинаково враждебное отношеніе къ правительству, противъ котораго у нихъ началась фанатическая пропаганда политическо-религіознаго характера, скоро распространившаяся повсемѣстно среди дунганскаго населенія. Главою этой пропаганды считаютъ нѣкоего Савуна, довольно высокаго чиновника, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ манджурскаго (китайскаго) правительства.

О ближайшемъ поводѣ къ возстанію Дунганъ рассказываютъ различно. Гейнсъ останавливается на рассказѣ о слѣдующемъ обстоятельстве: въ городѣ Синганъ-Фу ⁽¹⁾ жили два богача: одинъ Манджуръ, другой Дунганъ. Послѣдній былъ купцомъ и покупалъ у перваго скотъ на ямбы ⁽²⁾. Такъ какъ обороты купли и продажи были очень велики, то расплата производилась гуртомъ, въ извѣстные опредѣленные сроки. Однажды Дунганъ почему-то не захотѣлъ отдать Манджуру своего долга. Послѣдній осрамилъ его публично. Раздраженный Дунганинъ выхватилъ саблю и распоролъ животъ Манджуру. Убитый пользовался между своими громкою репутаціею и имѣлъ множество кліентовъ, которые подстерегли дунганскаго богача и убили его, а имущество и домъ совершенно разграби-

(1) Синганъ-Фу, губернский городъ въ провинціи Шанъ-си, близъ рѣки Вей-хо впадающей въ рѣку Хоанъ-хо. Синганъ-Фу, по рассказамъ азійтъ, въ пять разъ болѣе Ташкента, слѣдовательно очень большой городъ

(2) Китайскія серебряныя деньги.

ли. Это обстоятельство послужило сигналомъ общей рѣзни между Дунганами и Манджурами, жившими въ Сингань-Фу. Тѣхъ и другихъ было почти поровну; но Манджуры, потерявшіе въ послѣднее время всякую энергію, вслѣдствіе непомѣрнаго употребленія опиума, не могли дать надлежащаго отпора, и были истреблены, а обширный Сингань-Фу достался въ руки Дунганъ.—При извѣстіи объ успѣхѣ инсurreкціи, изъ Салара прибылъ въ Сингань-Фу сынъ упомянутаго выше Савуна, Сохупжанъ, молодой человѣкъ 21 года, и принялъ начальство надъ возставшими. Успѣхи инсургентовъ были такъ велики, что возстанія не могли подавить регулярныя китайскія войска. Нѣсколько разъ китайскія войска вступали въ открытый бой съ инсургентами, но безуспѣшно. Въ 1862 году инсургенты даже совершенно разбили 40,000-ю манджурскую армію и уничтожили ее.—Рѣзня въ Сингань-Фу подала поводъ къ такой же рѣзнѣ и въ другихъ городахъ сѣверо-западнаго Китая. Во всѣхъ мѣстахъ населенныхъ Дунганами, усиленно проповѣдывалась „*священная война*“ противъ невѣрныхъ Манджуровъ. Началось общее возстаніе мусульманскихъ подданныхъ Китая противъ иновѣрнаго и нетерпимаго правительства. Жестокія наказанія и казни, какимъ Китайцы подъ ничтожными предлогами предавали даже почетныхъ мусульманъ, думая подавить этимъ возмущеніе, еще болѣе ожесточали народъ и усиливали мятежъ. Предводителями мятежниковъ были духовныя лица, которымъ было удобно поддерживать и усиливать въ народѣ религіозный фанатизмъ, составляющій самое сильное средство въ рукахъ заправителей народными мятежами. Ходжи и ахуны вездѣ входили въ близкія сношенія съ мѣстными ишанами и волновали жителей мусульманъ, внушая имъ, что настало время готовиться къ борьбѣ съ невѣрными Манджурами, борьбѣ, долженствующей продолжаться или до окончательнаго ихъ истребленія, или же до обращенія ихъ въ мусульманскую вѣру. По примѣру Саларской об-

щины, все Дунганы—мужчины должны были идти на войну, не смотря на лѣта и физическіе недостатки. Они должны были отказаться отъ всего мірскаго и свое достояніе отдать въ мечеть.—На эту тему много говорилось и читалось въ мечетяхъ до тѣхъ поръ, пока возбужденіе не достигло крайнихъ предѣловъ; тогда достаточно было незначительнаго повода, чтобы Дунганамъ взяться за оружіе. Подобныя проповѣди столь сильно дѣйствовали на сердца слушателей, что не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ богатыхъ Дунганъ не отдалъ всего своего имѣнія въ мечеть. Это наблюдалось такъ строго, что ахуны, ходжи и имамы непременно казнили бы обманщика, какъ врага Божія.—Изъ собранныхъ такимъ способомъ денежныхъ средствъ при мечетяхъ образовались денежные кассы, изъ которыхъ выдавалось содержаніе воинамъ и ихъ семействамъ, и на средства которыхъ велась борьба со врагами. Кромѣ того были образованы центральные денежные склады, куда поступали: часть средствъ изъ каждой мечети и вся добыча, взятая отъ Манджуровъ. До окончанія священной борьбы, никто не долженъ былъ имѣть своего состоянія, но каждый инсургентъ имѣлъ право на полученіе изъ мечети всего ему нужнаго. Ему выдавались: исправная одежда, кольчуга и вообще полное вооруженіе (').

(') Сначала писургенты были вооружены палками, рѣзаками, кнестенями, топорами и камнями; но, надѣясь на небесную помощь, они не боялись кидаться на своихъ, относительно хорошо вооруженныхъ, враговъ, и отнимали у нихъ много оружія. Скоро между Дунганамъ нашелся мастеръ, который сталъ дѣлать имъ деревянныя пушки, изъ которыхъ каждая могла выдержать до 7-ми выстрѣловъ. При помощи этихъ пушекъ, Дунганы стали отбирать у Манджуровъ настоящія пушки и крѣпости.—Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Дунганы оставались побѣдителями, они оставляли свои семейства на мѣстахъ, подъ покровительствомъ мусульманскаго гарнизона; а когда не предвидѣлось безопасности и невозможно было брать съ собою семейства, Дунганы, чтобы не стѣсняться мірскими интересами, убивали своихъ женъ и дѣтей, оправдывая себя тѣмъ, что онѣ все равно попадутъ въ руки невѣрныхъ Манджуровъ, что, на взглядъ мусульманина, хуже смерти.

Равнымъ образомъ на счетъ мечети производилось исправленіе всего испортившагося. Семейства Дунгань, получавшія продовольствіе отъ мечетей, имѣли общій столъ.—Во время боя при извѣстномъ числѣ воиновъ долженъ былъ находиться одинъ неспособный носить оружіе и держать два кушанья: одно холодное, другое горячее, чтобы, по первому требованію, имѣть возможность подкрѣпить силы дерущихся. Для раненыхъ устроены были большіе госпитали при мечетяхъ, гдѣ больныхъ лѣчили муллы, имамы и ахуны. Дунганскіе начальники не пользовались никакими матеріальными преимуществами и получали тоже самое, что и простые рядовые. За неповиновеніе старшимъ, виновнымъ отсѣкали головы.—Грабежъ солдатъ строго наказывался. Если во время боя, дунганскій солдатъ поднималъ съ поля золото, серебро, чужое оружіе или какую нибудь вещь, то его казнили на мѣстѣ. Послѣ боя, вся добыча отъ побѣжденнаго непріятеля поступала полностью въ общественныя кассы. Кто курилъ табакъ или опиумъ, или пилъ вино, тѣхъ наказывали также весьма строго.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ началѣ возстанія Дунгань занималъ нѣкто Хаджи-Ахунъ ⁽¹⁾ — пользовавшійся почетомъ во всей Новой Кульдѣжѣ, какъ челоуѣкъ, прожившій 15 лѣтъ въ Меккѣ. вмѣстѣ съ нимъ упоминается постоянно, вѣроятно какъ его помощникъ, Султанъ Мазамъ или Махзаметъ-ханъ, который за полгода до возстанія сидѣлъ въ тюрьмѣ, по подозрѣнію китайскихъ властей, не смотря на то, что

(1) Онъ былъ начальникомъ въ Илійской провинціи, и распорядился, чтобы добыча изъ буддійскихъ кумирень поступала на содержаніе гробницъ двухъ мусульманскихъ святыхъ и на содержаніе при нихъ сторожей. Одна гробница, въ урочищѣ Кургасъ-Тайссы, — Темиръ-Хана; другая, находящаяся между Чанъ-Пандзы и Кульджею. Шейкъ-Магометь-Саддыка, изъ Медяны. При этихъ двухъ гробницахъ жили, въ качествѣ сторожей, 200 мусульманскихъ семействъ.—Въ другихъ мѣстахъ, охваченныхъ возстаніемъ Дунгань, изъ мѣдныхъ бурхановъ (идоловъ), или золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ въ кумпріяхъ, чеканили монету.